

18+

Алексей Болотников

ЧУДЕСНО ЖИТЬ

Стихи насущные

Алексей Болотников
Чудесно жить. Стихи насущные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28745285

ISBN 9785449023032

Аннотация

Манящий, интригующий, увлекательный симбиоз бардовской песни, житейской философии, пейзажной и городской лирики – читается на одном дыхании. Каждый читатель найдет строчки, предназначенные только ему: такое свойство у этих стихов. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Чудеса обыкновенные	7
Стихи – коробочки со спичками	8
«Господи, благоволи писать...»	8
«Чем мы знамениты?..»	8
«Учил меня студент филфака...»	9
«Чего ты ждешь?..»	10
«Быть бездомным стыдновато...»	11
«Меня не печатают в местной газете...»	11
«Не водиться рожь, а стихи не читают...»	12
«Все пишешь, пишешь...»	13
«Крылатость...»	13
«Нет, я не Пушкин...»	15
«На даче...»	16
«Принимаю с утра атмосферную магию...»	17
«Искал себя. А не было меня...»	17
«Романс...»	19
«Читая Фазу Алиеву...»	20
«Вот она, провинция! А море...»	21
«Наташечка из всех цариц...»	21
«Я поеду в Ярославль...»	22
«Признание...»	23
«Вычеркнешь строчку ...»	25
«Я вам откроюсь: я люблю...»	25

«Напиши мне, напиши...»	26
«А.Ф...»	27
«Когда я сплю лицом к стене...»	28
Нотки ироничные	29
«Наказ...»	29
«Зарисовка...»	30
«А по Лондону мне, по Лондону...»	31
«...одиннадцатый час в микроволновке...»	32
«По приметам этим летом...»	33
«Опять – по понедельникам оскал! ...»	34
«Из какого шоколада в подворотню, говоришь?...»	34
«Закатное солнце осеннее...»	35
«Клапан закрылся – микроинфаркт...»	36
«Есть финансист...»	37
«Шел бы ты, сынишка, в шопу, что ли...»	37
«Сына бы отцу не потерять...»	38
«Я бывший партийный организатор...»	38
«Театр...»	39
«Декабрь лютует на исходе!...»	40
«Столица нашел родины...»	41
«Скажи мне милая открыто...»	43
«Ну, посидели пару раз...»	43
Политика – не по лютики...	45
«Информационный спрут...»	45
«Разговор со знакомым коммерсантом...»	46

Чудесно жить Стихи насущные

Алексей Болотников

© Алексей Болотников, 2018

ISBN 978-5-4490-2303-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чудеса обыкновенные

Стихи – коробочки со спичками

«Господи, благоволи писать...»

Господи, благоволи писать
Чистые, изящные глаголы.
Благоволи посмешим не стать.
Чтоб не распяли:
– А поэт-то голый.
Обнажены мы... донага... в стихах,
И пишем так, как, очевидно, мыслим,
Но мыслить в стаде, вторя пастухам,
Не богом, извини, поэт немислим.
Благоволи подняться до тебя!
Я понимаю: зависть, дьявол, эго...
Но дай мне слово... пастыря любя,
Благо... воли... записывать от бога!

«Чем мы знамениты?..»

Чем мы знамениты?
Отсутствием святости.
Пивнушки у нас алтари.

Дай нам улыбаться
До придурковатости,
Ведь мы же придурки твои.

...О, господи боже!
Безбожникам, бабникам
Открой же альковы свои
И дай нам, заблудшим,
Блуждающим, банщика.
И бани дотла натопи.

Отпарим, отмоем
До алебастра
Тела и улыбки свои.
Дай нам улыбаться
До придурковатости.
Ведь мы же придурки твои.

«Учил меня студент филфака...»

Учил меня студент филфака
Стихи писать. И даже – жить
Пифагорейски. Жить без флага,
Без родины, в себе изжив
«... всю муть соцреализма,
Идейный бред и ген снобизма...»
Он так учил меня искусно,

Как женщину – отдалиться чувству.
Мы спорили до геммороя
О том, что (первое): нет жи-
зни в обществе; второе —
О том, что есть искусство лжи...
И в том сходились на ножи.
И он, вы знаете, он – плакал,
Когда над пропастью во ржи
Я торжествующе «а-а-а...» кал!..

...И вот я вышел в тиражи
Амбициозности. По-сучьи
Кружило жизнь мою во лжи.
А он... Он гений был. По сути.

«Чего ты ждешь?..»

Чего ты ждешь?
Ты напряженно замер.
Звенит оса... иль зуммер... целый мир...
Мир – примитив,
Средоточенье камер
Из микропор, из сот, иль из квартир...
Брат августейший!
Этот мир – пред нами!
Бей примитив архитектурных дыр
Трезубцем яда, остроты и брани!..

Ты медлишь, брат?!
Чего ты ждешь, сатир?!

«Быть бездомным стыдновато...»

«Быть знаменитым некрасиво»

Б. Пастернак.

Быть бездомным стыдновато.
Обло. Не харизматично.
На правах собаки птичьих
Обживать кривые хаты...
Стыдно! – трезвым, как скотина,
В парк, под аглицкую крону,
Аки лошадь из гранита,
Притулятся к Аполлону!
«Хорошо сидеть в трактире!»
Хорошо лежать в канаве.
Хорошо бы жить в квартире,
Или где-нибудь в Канаде.

«Меня не печатают в местной газете...»

Меня не печатают в местной газете:
То слог мой не сочен, то тема узка.

Меня не печатают те, или эти...
Те уж далече, а эти – пока
Не охватили в районном масштабе,
На радиостудии и телеэкране.
У них, как и раньше,
Пегасы при штабе,
А мой «горбунёк»
Не формален заранее.
Не искушаю судьбу краевую.
Да что за комиссия —
Выбиться в крайность?
Мне б бросить писать,
Но пишу я покамест,
А в следующем веке —
Опубликуюсь.

«Не водиться рожь, а стихи не читают...»

Не водиться рожь, а стихи не читают.
Пейзаж прозаичен и крики «ату».
Вороны грядущих погромов летают
(Вы уж извините за прямоту).
Слова-то... в стихи выбираем в запале.
Сообщать бы им свойство взрываться:
На ложь,

На равнодушие,
Злобу и зависть...

Поэтов читали б.
Водилась бы рожь.

«Все пишешь, пишешь...»

Все пишешь, пишешь...
Станешь вдруг – поэт...
И славой завладеешь в одночасье.
И тут задушит выбор —
«да», иль «нет» —
О счастье славном петь?
Иметь ли... счастье?

«Крылатость...»

Крылатость
Пытали граждане орла:
Откуда в родове крылатость?..
И были пытки их чреваты
Расчетом лётного крыла.
Себе подобных жгли, пытая,
Откуда крылья естества?

И был один, который тайно
Вкусил орлиного родства.
Он все решил. На все решился.
Дитяти посмотрел в глаза,
Как будто в этом отрешился
Земли. «Лететь!» – его стезя!
Он в полутьме затеплил свечи
(оплыло из-под острия).
Эффект свечи ума не лечит.
Он болен жаром бытия.
Парить на крыльях!
Дымном шаре!
На парусиновой суме!..
Лететь! – на зло попу и сваре.
Ах, как легко летать во сне...
И из-под солнца, опаленный,
Залитый воском со спины,
Летит бескрылый, окрыленный
Икар, Аэрохерувим!..

.....

Летят столетия – крылаты! —
Режимы плети и креста.
То слепо верим в постулаты,
То слабо веруем в Христа,
Разуверяемся уж в пришлое
И – новый век на рубеже.
Мы снова в небе и уже
Владеем пламенем,
Как дышлом...

Уже – прекрасен и уродлив —
Постигнут термодинамизм,
Но, как китайский иероглиф,
Крылатость – что за механизм?

«Нет, я не Пушкин...»

«Нет, я не Байрон...»

М. Лермонтов

Нет, я не Пушкин...
И никто иной
С такою же
Невероятной силой.
И мой Дантес, увы, не роковой.
И светский наш закон
Не угрожает милой.
Не изведен интригами страны.
Не злой пророк и не объект охоты.
И до смерти не чувствую вины
За все дворцовые перевороты.
А хлеб мой горек, радиоактивен.
Дом сохся по системе координат.
Мой облик стёрт.
Дух слаб и не активен.
Я есть пока.
И в этом виноват.

«На даче...»

На даче

За августом жила-была легенда:
«Август – месяц благородных дел».
Я на даче, в бочке Диогена,
Разделяю кесарев удел.
Как собаки, пчелы роют маки,
Искушая девственный нектар.
Роясь в грядках, в образе собаки,
Искушаю перегнойный пар.
Как лимит союзного стандарта,
(Нормы отпускает нам ГОСПЛАН).
На трех сотках, словно иномарка,
Средь ботвы я вписываюсь в план
Среди мака, астры, георгина,
И душой, и телом здоровяк,
Лью, не плача, как зеленый Гена,
Крокодильи слезы в коровяк.

За августом открылась мне легенда:
«Август – летний, дачный беспредел».
Понимаю мысленно и генно:
Я – потомок огородных дел.

«Принимаю с утра атмосферную магию...»

Принимаю с утра атмосферную магию:
Солнце из-за бугра
Разливается песнею...
Я росую с куста, сокровенною влагою
Окропляю крыла...
Восемнадцать по Цельсию!
От рождения столько же... Впереди
Ещё тысяча неизведанных лет.
Я парю... я... таков...
Поэтичен я...
То-то же!..
Предвкушаю... откусать свой дерзкий язык

«Искал себя. А не было меня...»

Искал себя. А не было меня.
Кого любили эти бабы с воза?

...Песком сквозь пальцы небылое я
Расходовало вьючники обоза —
Зыбучих лет, дневных-ночных и прочих,

А более всего – секунд любви,
Которых жаль, но лишь как падежи
В обозе животных (или живОтин?).
...Конь пал любимый, с именем Чечня...
Друзья большого брата распылились...
И ничего в итоге не чиня,
Друзья друзей (враги врагов) явились
На проводы почившего меня,
Хмельные, не распятые бесстыдством
Во всей их наготе, с дежурным тостом
«Да будет пухом путнику земля».
...В гробу нельзя... Я не перевернулся
Лишь потому, что не было меня,
Что в тот сезон вдоль Белого Июса
Нашлась неандертальская семья:
Он и она, точнее, черепа
Эпохи древнекаменного века.
Их здесь, у Малосыйского столпа,
Признали за... явленье человека.
И палеантроп, вышедший с Тубы,
С обозом, а точнее – при обозе,
В культурный слой земли «а ля гробы»
Не мог почить. Увы. И почил в бозе.
Его – нашли! Лет... сорок тыщ спустя...
«Поднимутся... – вещают нам – в могилах...».
И все же это, верно, был не я.
И не было меня. Лишь слухи жили.

«Романс...»

Романс

Я у женщин в долгу.
Я алмаз из породы не высек.
Слов безумных букет
Я не каждой из них подносил.
В суматошном бегу
Не проник в откровенья записок,
Ради самых святых
Не сносил головы, не сносил.
Милый женский народ!
Не велите казнить раньше срока.
Не спешите изгнать,
Не вините в бесчестье и лжи.
Солнце всходит в саду...
Вспыхнет сердце в мгновение ока,
Наши души сольются
И станут, как вишни, свежи.

Я у женщин в долгу.
Не сторонник долгов и оброка,
Продолжаю искать
Драгоценные камни любви.
Верю я, видит бог,
В этой жизни не так уж все плохо.
И любовь возвратится,

Вернется на круги свои.

«Читая Фазу Алиеву...»

Читая Фазу Алиеву

Ответ на вопрос «Что такое «любить?»»

– Гениальность.

Ответ на вопрос «Что такое любовь?»

– Состязание.

Ах, какая б на этой земле не царила банальность,

Неизменно новы лишь любви,

Лишь любви состояния.

Что такое – «Любовь испытать?»

– Может, съездить... на радугу?

Чтобы чудо потрогать, палитры сердечный накал...

Что такое – «Любовь исчерпать?»

– Может, вычерпать... Ладогу?

Повернуть Ангару у истока обратно в Байкал!..

Ответ на вопрос «Что такое судьба?»

– Испытание.

Ответ на вопрос «Что такое счастливая жизнь?»

– Обольщение.

Да какая б на этой земле не царила случайность,

Нас преследуют здесь чередой

Лишь любви ожидания.

«Вот она, провинция! А море...»

Вот она, провинция! А море...
Морю рукотворному не верь.
Ученый кот бредет по Лукоморью,
Будто побирающийся зверь...

«Наташечка из всех цариц...»

Наташечка из всех цариц
Моей империи забытой
Моим величеством царит,
Короной сброшенной и битой.
Наташечка в опалу что ль
Молчит дорогою трамвайной
Под монотонный скрип качель
О днях низложенных тирана.
Наташечка пером скорбит,
Писец свободы монастырской,
То мадригал, то манускрипт
Меланхолический и дерзкий...
Наташечка грустит, ну что ж —
Ниспровержение монархий
Огнем, иль ряской уничтожь —
Мостит кандальный путь в монахи

Для императоров былых,
Утраченных для пользы трона...
...Лишь пыль, как порох из патрона,
Ютится на висках седых.

«Я поеду в Ярославль...»

Я поеду в Ярославль
Не за прозой, но за славой.
В Ярославль я влеком
Разнотравным молоком.
И поеду – как ни странно —
За насущным, легендарным,
От породистой коровы...
Знать, напоят ярославны...
Достославны Ярославны!
В Ярославль я влеком
Не единым молоком —
Есть и сахарные планы!
Я поеду в Ярославль,
Восхищаться не коровой.
Говорят, там Ярославны
Суть помечены короной!
Я наивный, в сказки верю.
А поеду и проверю.
Вот. Я по столу стучу.
Ярославну я хочу!

Увезу её с собою
Прямо с паперти собора.
Пусть любитесь родня,
Собираясь у плетня.
Белолица Ярославна,
С русой длинною косою,
Русской грустью осиянна
И естественной красою...
В общем, решено, за славой,
Как варяги в прошлый век,
Я поеду в Ярославль
После дождичка в четверг.

«Признание...»

Признание

Я не жил у моря,
Я не нюхал порох,
Я не разговаривал
На птичьем языке.
И в свои за сорок
Прегрешений ворох
Никогда лукаво я
Не держал в тайке.
Ревновал, не скрою,
Выпивал без меры,
Забывал порою я

Приносить цветы.
И в мои за сорок
Мифы и химеры
Следуют за мною,
Как ящериц хвосты.
Я про то не знаю,
Она про то не скажет,
У каких иллюзий
Были мы в плену.
Я в одной признаюсь,
Как признаюсь в краже:
Ничего не ставила милая в вину.
Я не жил у моря,
Милая считала:
Сельская идиллия
Нам врачует дух.
Я не нюхал порох —
Она предпочитала
Не кресты и славу,
А нежность моих рук.
Я любил, не скрою,
Милая любила,
И в свои за шестьдесят
Мы будем вспоминать,
Что и трын-травую
Любви не победила
Ни едрена-Феня,
Ни едрена мать.

«Вычеркнешь строчку ...»

Вычеркнешь строчку —
Не вычеркнешь Верочку.
Верочки Шиверских
Губки соленые...
Не потому ли, что
Выломал вербочку,
Взял, да и выдумал
Девичьи стоны.
Не потому ли —
Плохая акустика?..
«Верочка, Верочка!...»
Не отзывается.
Пляжный мираж
Загорелого бюстика
Не забывается
И не сбывается.

«Я вам откроюсь: я люблю...»

Я вам откроюсь: я люблю.
И некрасиво ночью вою.
Случилось вот что: я ревную,
Реву, рифмую «ай лаф ю».

Я Вас люблю! Мне сорок пятый.
Невольно вдруг в конце пути...
Как вы б цвели в пятидесятый!
А вам... Вам нет и двадцати.

«Напиши мне, напиши...»

Напиши мне, напиши,
Уляшина Наташа.
Приветливо ли помаши
Флажками для отмашки.
Вжик-вжик, мол, нету ни души
На палубе и юте.
Вжик-вжик... хоть неглиже суши
На нашем перепутье.
И напиши ещё... вжик-вжик...
Ласкающие кожу
Слова о том, как жизнь бежит
И тень кладет к подножью
Моих несделанных шагов.
А волновой барашек —
Как ритуальный дар богов
Уляшиной Наташи.
Вжик-вжик... вжик-вжик...
Но застит глаз соленой пеленою,
Иль, может, зябкий март пуржит
Метельно надо мною,

Иль белоснежное руно,
Как сети из Байкала,
Легло на траулере... Но...
Отмашка отмахала.

Напиши мне напиши,
Уляшина Наташа,
Свой ровный слог на букву «ши»
(иссякли рифмы наши).
И канул траулер ко дну
С уловом однодневным.
Остались лишь стихи ко дню
Эвтерпы... Иль Минервы?..

«А.Ф...»

А.Ф.

Мне уже пора вселиться.
Где моя Вселенная?
Где моих любимых ликов
Горница нетленная?
Я хожу по парапету
Голубого глобуса.
Нет, как не было, и нету
До земли автобуса.
Осаждают слезы веки.
Осы мыслей роятся.

В кои веки... в кои веки
Хочется устроиться.
Я проехал временами
Вековой провинции.
А сейчас вернулся б к маме.
Мне пора уж в принципе.

«Когда я сплю лицом к стене...»

Когда я сплю лицом к стене,
Приговоренный к высшей мере
За непризнание в вине,
Мне снится луч,
Скользнувший в двери.
Когда ты спишь
Лицом к стене —
Узлом лопаток и коленей —
Происходящее во мне —
Есть суд и жажда преступлений.

Нотки ироничные

«Наказ...»

Наказ

Мама едет на гастроли.
Говорит – строжится – Оле:
– Будь послушна у отца.
Да... не высиди птенца.
Продолжая в том же стиле,
Наказует строго Иле:
– Ты смотри тут у меня.
Ни того... на счет вина...
И, с грозойю по лицу,
Так командует отцу:
– Ты отец семейства здесь
Остаёшься. Перебейся...
Оставайся в этой роли
Пока кончатся гастроли.
Кто заявится с долгами,
С бутылем и пирогами,
То про эту чепуху
Не звони ко мне в Уфу.
Кто напросится на баню,
На попойку послебанну, —

Собрази на счет стола
До приличья – не дотла.
Если за город поедешь
С тетей Любой, дядей Петей,
Токо – если их шашлык!
Сам не пей. Смотри – как штык!
Ну, а ежели что случится:
Иля вздумает жениться,
Оля психанет учиться,
Подгорит, допустим, пицца...
Иль залетная синица
В сексуальном сне присниться,
Шапкой вспучится брусница...
Иль правительство сменится...
Про такую чепуху
Не трезвонь ко мне в Уфу.

В общем, лишних слов не надо.
Расстаемся без парада.
В холодильнике есть рыба.
Да скажите мне спасибо,
Что наказов не даю!
Я поехала.
Адью.

«Зарисовка...»

Зарисовка

Я репортер. В дурдоме... Крупный план.
Во мне придурок Ленина узнал.
Он сорок лет расстреливал Каплан.
...Крест перспективы... рабица... финал.
А дома гости. День рожденья дочки.
Э... к нам заехал питерский вокзал?!
Дошло до кульминационной точки:
Я репортаж с броневика сказал.
А в вытяжном отверстии – «Отелло» —
Сосед соседку поучает жить.
А где-то свадьба... «Эта свадьба!.. пела...»
Да так, что кошка порывалась выть.

«А по Лондону мне, по Лондону...»

А по Лондону мне, по Лондону,
Как степному коту голодному,
В оном марте не выть уж мысль
«Побродить бы с английской мисс...»
Не поплыть на плоту, на ялике...
Здесь донашивал Герцен валенки,
Поощряя английскую спесь
На три фунта (на сколько есть)...
По Гудзону, по Темзе – штилевым
Протестующим духом Тилевым,
Как мятежный их Роберт Бернс,

Не вопить озорную песнь.
Маяковского сэры помнят ли?
«Блек энд уйт...» выл он красной полночью,
Словно гимн с мужиками потными
Про советский социализм.
Не по-англицки, но по-герценовски,
Заваруху не взбучить с бомбами,
В старый колокол не звонить.
Не до нас там – там брексит, в Лондоне.
И поэтом мне... и по Лондону,
И холодному, и голодному,
Потерявши житейский смысл —
Не ласкаться с английской мисс.

«...одиннадцатый час в микроволновке...»

...одиннадцатый час в микроволновке.
Часы ушли без боя в мир иной,
Как штык из отстрелявшей винтовки.
...Ах, как не похваляться новизной!
Вот дом, вот кот, вот пиущий сосед
Маячит флаг с трибуны маяковской.
– Вчера, ура, убийцам Политковской
Свершился приговор: по десять лет!..
– У смерти, очевидно, недoves?

А, впрочем, в таких случаях, сосед —
Уж коли смерти нет, а тюрьмы есть —
Не стыдно, что назначены на крест...

«По приметам этим летом...»

По приметам этим летом
Пролетающий фантом —
Не винтом и не хвостом —
Не причислится к кометам.
Не причислится к придумкам
Слух о новом конце света —
Ни к пророчествам об этом,
Ни к статистике придуркам.
По приметам этим летом
Упадет налог на дом,
Будто неглиже с мадонн
Соскользнет сакральным светом.
По приметам этим летом
Рухнет бизнес табака,
Кучевые облака
Озаря астральным светом.
Но народ
Смолчит
О том.

«Опять – по понедельникам оскал! ...»

Опять – по понедельникам оскал! —
Спарилась флейта с плачами кларнета
И...и... из начинавшегося лета
Дождь си-бемолью по степи скакал.
Сто сорок солнц свалилось за Убрус.
Едва занявшись в зареве рассвета.
А костная хроническая грусть
Кость ломит, словно позы для минета.
Вчерашний день, читай... автовокзал,
Экскурсией «ТесьТур» в эпоху русскую,
Мне баню с преферансом заказал,
Стихи и прозу жизни на закуску.
Дождь дивиденты, видимо, считал.
Свалил свои полушки градом в кучку.
И подустал. А медяков металл
Испузырился, будто рубль в получку.

«Из какого шоколада в подворотню, говоришь?..»

Из какого шоколада в подворотню, говоришь?..
...Твоя трогает баллада мою проклятую жисть.

Дом мой крепость.
И не надо обсуждать меня на роль.
Ты, как вижу, не наяда.
Я, как видишь, не король.
Поищи другого гада, в одеянье дорогом.
Угостить тебя бы надо...
Да на нары голышком...
Только здесь нужна граната.
А откуда здесь ей быть?
Здесь пузатая посуда
Пластиковых фуфырей
Держит в тонусе рассудок
Недобитых упырей.
Здесь, как крысы папы Карло,
Годы жизнь мою крадут...
Огрызаются с оскалом,
И уходят. И идут.
Хочешь, я тебе сыграю
На регистровой трубе?
Рай-то рай...
Не надо раю...
Дай мне выжить.
Иль убей.

«Закатное солнце осеннее...»

Закатное солнце осеннее,

Завороженное западом,
Березовым веет запахом,
В березовой прячется зелени.
По паркам стоят заповедные —
Березовыми истуканами —
Солдаты, пропавшие без вести...
Герои, в бессмертие канувшие...
Здесь плачут березки вдовами,
Осинки дрожат невестами,
Лишь тополя багровыми
Кострами

кричат

из леса.

«Клапан закрылся – микроинфаркт...»

Клапан закрылся – микроинфаркт.
Знаю, не вечер, но ветер оттуда.
...Как эта девочка чувствует шар?
Что она чувствует, гибкое чудо?!
Клапан – не мячик, не выдержал, гад.
...Как она чувствует с шаром соосность?
С шаром земным, устремившимся в космос,
Как не свалиться в кульбит и шпагат?
Шар ли вращается, тела ли стать,
Девичьи ноги, худая осёнка...
Спицы мелькают. И годы летят.

Цирк – это жизнь, понимаю, девчонка...
Не понимаю на шаре своем:
Глыбой земной под ногами ютился.
Но горизонт, как Земли окоем,
Перекосился и перекатился...
И равновесия не ощутив,
Сердце и шар раскатились порозно.

Не авантажный, должно быть, мотив.
Жизнь – это цирк. Понимаю, но поздно.

«Есть финансист...»

Есть финансист.
Есть вор.
Есть нумизмат...
Пойди-пойми:
Кто нищий, кто богат?
А «новый русский», надо полагать,
Есть новая ворующая знать?

**«Шел бы ты, сынишка,
в шопу, что ли...»**

Шел бы ты, сынишка, в школу, что ли...
Как же жить-то будешь – поживать?
Ничего не дали тебе в школе.
Ничего отец не дал, ни мать...
Мать твоя тебя учила, вспомни,
Алгебру гармонией сверять.
Лучше бы учила на гармонии.
Лучше б я учил тебя стрелять.

«Сына бы отцу не потерять...»

Сына бы отцу не потерять.
Ноев во мне отчая природа...
Сын – как символ продолженья рода —
Бриллиант на тысячу карат.

Сыну бы среди земных утрат
Не терять отечества (как царства)...
Как молитвы с раннего утра...
Как псалмы на случай прединфаркта.

«Я бывший партийный организатор...»

Я бывший партийный организатор.
Вышел из масс

И ушел, растворясь в толпе.
Не идол. Не вождь.
И, конечно, не первый автор
Айсберга, растворившегося в мутной среде.
Айсберг СССР, не поднявшийся выше ватера.
В центре тяжести – грузы явлений.
Первый из первых: человеческий фактор,
Утонувший в фарватере коммунистических съездов.
Э-э-з, посмотри на меня, сирота коммунизма...
Реваншист, из прошлого не умеющий встать.
Кто призреет тебя, взяв права опекунства?
Кто тебя похоронит, как знамя, в веках?

Век грядущий – верно, век вандализма.
И поэтому горько
Осознавать свои чувства.

«Театр...»

Театр

*Константину Малинину,
режиссеру народного театра 90-х.*

Всё отражают зеркала.
Всю боголикость и безличье.

От жара мыслей и дотла
И до деталей единичных,
Отображающиеся
И эстетически, и грубо,
Зевок (зевнула ты, Гекуба!)
И пресный взгляд поверх плеча...
Всю косметичность элементов,
И всю сценическую ложь,
И теплый дождь аплодисментов
Из бельэтажа, и из лож, —

Всё отражают зеркала!

«Декабрь лютует на исходе!..»

Декабрь лютует на исходе!
Замерзла крынка на колу.
И даже мысль о новом годе,
Увы, замерзла... Под полу
Сквозит студеная поземка
Озябшей матушки-зимы.
И нежный трепет от земли —
Как наркотическая ломка.
Трясет и душу, и мослы.
О, боги будущих циклонов,
О, выюг рождественских послы,
Примите дань моих поклонов.

Вопя с Егорьевской часовни,
(часовня в помыслах моих),
И в небеса вонзая стоны,
Я не псалом читаю – стих
О том, что злой декабрь лютует,
Замерзла крынка на колу.
Но Рождество – как аллилуйя —
Вот-вот завьюжит по селу!

«Столица нашел родины...»

Столица нашел родины

песня

Есть такая столица – Минусинск.
Есть страна-аркадия – Россия.
Ставлю лапти против мокасин:
Есть в Сибири сказочная сила.
Ах, сказка-зима,
Ах, присказка – лето.
Бахвалится кума
И про то, и про это...

Есть в столице родины моей
Малая артерия – Протока.
Поделится щедро Енисей
Беловодьем горного истока.

Ах, сказка-зима,
Ах, присказка – лето.
Бахвалится кума
И про то, и про это...

Поделится Западный Саян,
Поделится брат его – Восточный...
И Кузнецкий Алатау-стан —
Плодородной минеральной почвой,
Ах, сказка-зима,
Ах, присказка – лето.
Бахвалится кума
И про то, и про это...

Расцветают аркадии сады,
Черемошник шурится от снега,
Заливается щегол на все лады.
Песенной души моей коллега.
Ах, сказка-зима,
Ах, присказка – лето.
Бахвалится кума
И про то, и про это...

Есть такое местечко – Минусинск.
В азиатской полосе России!
Ставлю лапти против мокасин;
Нет другой такой земли красивой!
Ах, сказка-зима,
Ах, присказка – лето.

Бахвалится кума
Даже песнею этой.

«Скажи мне милая открыто...»

Скажи мне милая открыто:
Я далеко не идеал?
Всё то ж, по-Пушкину, корыто
Сто крат на новое менял?
Перо в перинах – на соломы,
В шампанских пены – на пивка?
И у боярския хоромы
Челом не вышиб потолка?
Ну, словом, ни ума, ни чести?
Но вот, изволь, моя стрела:
Скажи мне, милая, без лести:
А ты мне Лебедью была?

«Ну, посидели пару раз...»

Ну, посидели пару раз.
Погорячились парой фраз,
Попарились на пару...
Ну, посмотрели порнофильм
Про смоковницу из Афин.

Позарились на пару
Смазливых крепких ягодиц.
На торс – от бедер до ресниц —
На кимру и тиару.
Поговорили об ином.
О том, о сем. А заодно
Поспорили по факту:
Что содержание без форм —
Не жизнь, а только марафон
И спринт к инфаркту.
Ну, оценили кто и что...
А кто и что?
Да дед Пихто!
И Баба-Ежка...
И кончен бал, как коммунизм.
И разошлись туда, где жизнь
Вопит, как неотложка.

Политика – не по лютики...

«Информационный спрут...»

Информационный спрут

Кто – политикой, кто – поэзией,
Кто довольствуется калачем...
Вожделяется Запад – Азией;
Правый – левым параличом.
Левый правых громит воззванием
«Накормить страну... допьяна!»
И – «...на свете нет выше звания...» —
В лицах меряется страна.
Кто в стране гапон?
Кто здесь бог-господь?..
Не расценено – что почем.
Тот в стране моей проливает пот,
Кто серпом и молотом окрещен.
Перезвон монет и тележный скрип,
И молва – мол, всем по компьютеру...
А газетный лист желтизной пестрит.
Желтизна проходит по литеру.
Нынче – телефакт, завтра – телефарс.
Атрофировался мой мозг.
Через телетайп, или телемост,

Положив на все, я хочу на Марс.

«Разговор со знакомым коммерсантом...»

Разговор со знакомым коммерсантом

– Привет, старик! Как выглядят дела?

Купил-продал и снова на плаву?

Не зря, считаешь, мама родила?

Что я?

Как и всегда, старик, слыву...

Маячу длинноногим мудаком

По Минусинску в поисках систем,

Торгующих топленным молоком...

– ...С которого тошнит меня...

– ...Меж тем...

Стоит жара. Горит сосновый бор.

На звоннице бесплатный дали звон.

Там, батьки поперед, стоит собор.

Зовется Спасский...

– Что спасает он?..

– ...Река ушла в предание свежо.

И – очередь за отоваркой пивом

Напоминает грубо о тоскливом...

Пустым бидоном, но грозит ужо!

– Бессребреник безденежьем гонимый,

По мусоркам глядит и сторонам,
А коммунисты, в стиле пантомимы,
Былые думы навевают вам?..

– ...И казаки гарцуют при параде
Перед народом.

– ... Ну, а что народ?

– Благословляет «ваших благородий»!
Идут не против, а наоборот.

– Мы в плену у собственных симфоний,
Как перед рыком борзых кобелей.
А век идет. И в форточку сифонит
Октябрь, восьмидесятый Юбилей.
Веда учет приметам Октября

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.